

Содержание

I

НА ВОЛЮ ИЗ РОДНЫХ КРАЕВ

1. *Лифт к затворницам*

13

2. *Баимачная гирлянда*

32

3. *Тает лед*

56

II

Дуэлянты

4. *По другую сторону экрана*

75

5. *Фальшивое чудо*

93

6. *Дело чести*

119

III
СТЫД, БЛАГОВЕСТОЧКА И ДЕВА

7. *Сгорая со стыда*
151

8. *Красавица и Чудовище*
193

IV
ВЕК ПЯТНАДЦАТЫЙ

9. *Александр Великий*
235

10. *Женщина под чадрой*
263

11. *Монолог висельника*
294

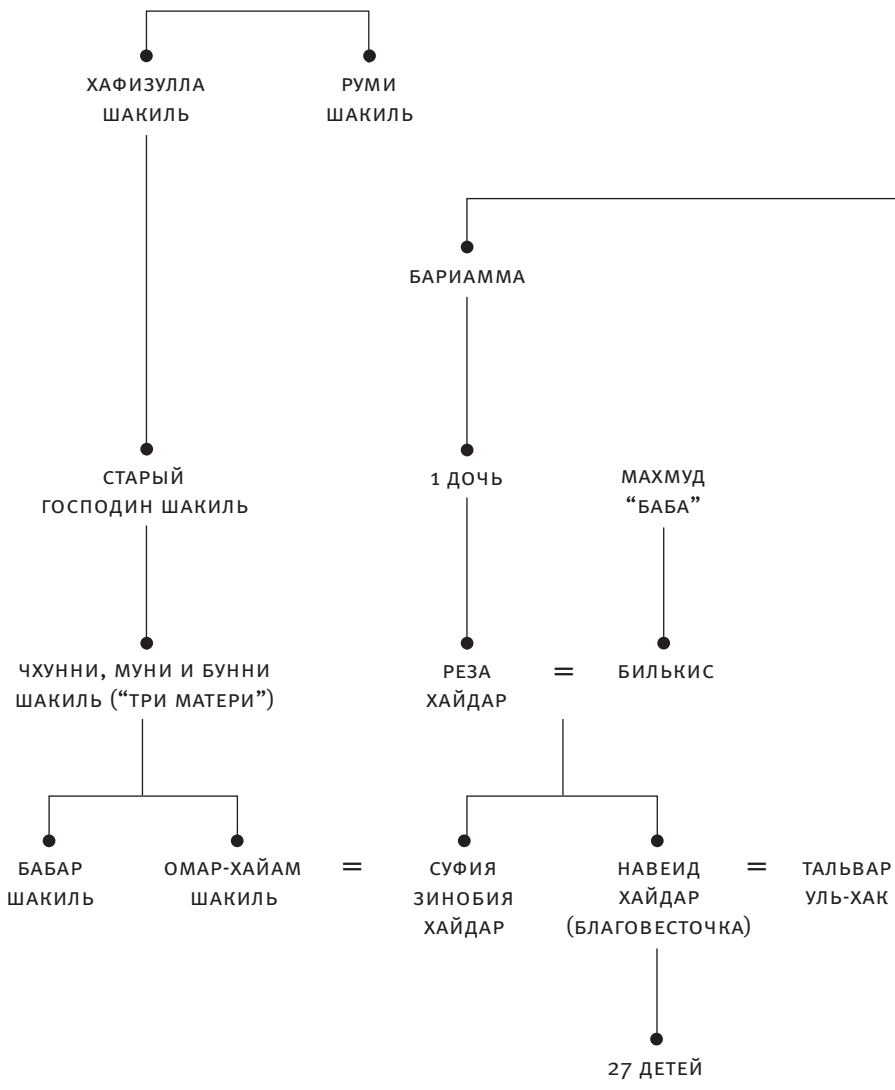
12. *Твердым курсом*
320

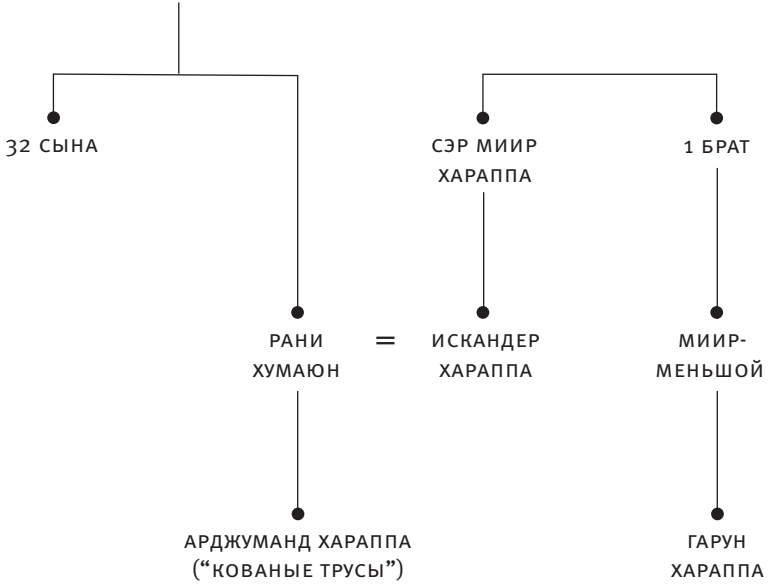
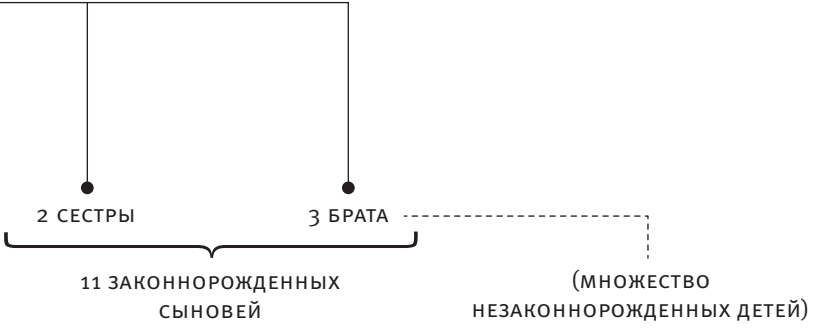

V
СУДНЫЙ ДЕНЬ
352

Посвящается Самину

I

НА ВОЛЮ
ИЗ РОДНЫХ
КРАЕВ

1

Лифт к затворницам

В далеком пограничном городке К., очертания которого с высоты напоминают разве что кривобокую гантель, жили некогда три сестры, лица их были исполнены красоты, а души — любви. Звали их... впрочем, настоящими именами пользовались не чаще, чем заветным фарфоровым сервизом, навечно сокрытым и забытым в каком-то буфете после печальных событий в семье. И сервиз из тысячи предметов, сработанный еще в царской России на гарднеровских заводах, превратился едва ли не в легенду — полноте, да был ли сервиз-то?! Однако пора незамедлительно вернуться к трем сестрам: они носили фамилию Шакиль, а звали их (по старшинству) Чхунни, Муни и Бунни.

И вот однажды у них умер отец.

Престарелый господин Шакиль — вдовец с восемнадцатилетним стажем — по стародавней привычке называл родной город “чертовой дырой”. В предсмертном бредовом, многословном, хотя и малопонятном монологе домашняя прислуга, путаясь в лабиринтах хозяйского красноречия, разобрала лишь похабщину, брань да проклятия, столь неистовые, что, казалось, у постели взвихрился малень-

кий смерч. Давно отошедший от мирской суеты старик в последнем слове исторгал копившуюся всю жизнь злобу на родной город. То он призывал силы ада обратить в прах низенькие поносного цвета домишки, невпопад лепившиеся к базару; то обращал уже подернутые смертным ледком проклятия на чистые и опрятные особняки военного городка. Собственно, эти два района и составляли округлые разновеликие бока “гантели”. В старом городе жил местный люд, неимущий и угнетенный; в новом — пришлые угнетатели, ангрезы, то бишь британские сахибы. Господин Шакиль люто ненавидел и тех, и других. Долгие годы провел он, добровольно заточившись в своем огромном доме, почти все окна которого выходили в сумрачный — колодцем — двор. Стоял дом на пустыре, равно отдаленный как от района торгового, так и от военного. Со смертного одра господину Шакилю через едва ли не единственное глядевшее на белый свет окно была видна громада гостиницы, словно мираж, выросшей в военном городке. В ее холлах блестели золотые урны, сновали ручные обезьянки в униформе с медными пуговичками, в залах с лепными потолками по вечерам играл настоящий оркестр, в буйной зелени диковинных растений благоухали чайные розы и белые цветы магнолии, тянулись вверх изумрудно-зеленые пальмы. И хотя ее золоченый купол давным-давно дал трещину, он все же до рези в глазах отливал закатным великолепием дней минувших. Под его сенью ежевечерне собирались лощеные офицеры-ангрезы, штатские в белых манишках и галстуках, жадноглазые дамы, увешанные ожерельями и колье. Они приходили потанцевать в блестящем, как им мнилось, обществе, хотя блестели лишь их белые, точнее, бледные лица, да и то от пота, так как их нежная, умащенная морскими туманами кожа страдала от пагубного влияния палящего солнца и красного

бургундского — только безумцу может прийти в голову распивать вино в полуденном пекле и с очаровательной беспечностью издеваться над собственной печеню. Старик прислушался к музыке, тешившей проклятых колонизаторов в нарядной гостинице — не иначе, и их последний час настает, — и зычным голосом проклял зыбкую, миражем манившую гостиничную суету.

— Закрой окно! — крикнул он старухе служанке Хашмат-биби. — Не хватало еще под эту какофонию умирать.

Ставни плотно сомкнулись, старик успокоился, собрал остатки сил и изменил течение своего предсмертно-бредового монолога.

— Скорей! Скорей сюда! — принялась созывать его дочерей служанка. — Ваш отец, никак, сам в ад напрашивается!

Это господин Шакиль, закончив костерить белый свет, обратил всю ярость на себя самого, требуя собственной душе вечное проклятье.

— Ох, не туда, не туда его понесло! — сокрушалась Хашмат-биби. — Что ж на него нашло?

Растить дочерей вдовцу помогали кормилицы (из огнепоклонников), малолетние няни-айи (из христиан) и мораль (преимущественно мусульманская), что крепче булатной стали. Впрочем, Чхунни говаривала, что отцовский характер еще больше закалился под палящим солнцем. Всю жизнь он не выпускал дочерей за порог необъятного дома-лабиринта, отказал им в образовании, заточив в женской половине особняка. Девушки развлекались тем, что болтали на самодельных языках, непонятных чужому уху, да строили самые невероятные предположения о том, как выглядит голый мужчина. В раннем девичестве их неумное воображение рисовало мужские половые органы в виде ямочек на груди — этакие уютные гнездышки, куда поместились бы девичьи соски, поскольку, как впослед-

ствии поочередно вспоминали сестры, по их тогдашнему разумению, “зачатие происходило посредством груди”. Отбывая свой неопределенно долгий срок заключения, узницы пришли к полному и нерушимому единению мыслей и чувств. Вечерами сестры сидели подле резного решетчатого окна, откуда виднелся золотой гостиничный купол, и, зачарованно раскачиваясь в такт, прислушивались к музыке. А еще ходили слухи, что послеобеденный отдых сестры проводили во взаимных ласках. А по ночам они будто бы не гнушались и черной магией, дабы побыстрее спровадить отца на тот свет. Впрочем, чего только не болтают злые языки, особенно о красивых молодых женщинах, недоступных плотоядному мужскому взору. Достоверно лишь одно: именно в те годы, задолго до столь возмутительного появления на свет ребенка, вся троица, тосковавшая о детях со всей силой неискушенного девичества, заключила негласный договор — никогда не разлучаться, навсегда сохранить взаимную привязанность, даже когда появятся дети. То есть грядущих сыновей они постановили воспитывать вместе, втроем. Совсем уж грязные сплетники утверждают (хотя и бездоказательно), что договор этот был написан и подписан кровью юных затворниц, причем кровью ежемесячных женских тягот. Потом бумагу якобы предали огню, а содержание навечно сохранилось в самых сокровенных уголках тройственной памяти.

В ближайшие двадцать лет сестрам суждено вырастить лишь одного ребенка. И нарекут его Омар-Хайамом.

Происходило все это в четырнадцатом веке мусульманского, разумеется, летосчисления. Не сложилось бы у вас впечатления, что рассказ мой о далеком-далеком прошлом. Время, увы, не столь однородно, как, скажем, молоко; и в краю, о ко-

тором идет речь, до самой недавней поры царило прямо-таки средневековье — как-никак четырнадцатый век.

Хашмат-биби предупредила сестер, что отец вот-вот распрощается с жизнью, те облачились в лучшие наряды и отправились к умирающему. Старик хрипел и задыхался в железных тисках совести: он мрачно требовал, чтобы Всевышний определил ему место вечных страданий на самых что ни на есть задворках ада. Потом он смолк, и Чхунни, старшая из дочерей, не замедлила задать единственно важный для всей троицы вопрос:

— А правда, отец, что мы теперь заживем богато?

— Продажные твари! — бросил им на прощанье страдалец. — Ни шиша вы не получите!

Полноводная река благополучия, в которой, если верить молве, семейство Шакиль выудило не одну золотую рыбку, оказалась на поверку давно пересохшим ручьем. Выяснилось это наутро после смерти старого сквернослова. Не один десяток лет удавалось господину Шакилю скрывать свою деловую несостоятельность; тому способствовали и личина солидного отца семейства, и вздорный характер, и несказанная гордыня (самое вредоносное наследство дочерям). Одним словом, перед сестрами раскинулась выжженная пустыня банкротства, и все дни, отведенные обычаем для скорби и траура, они провели, рассчитываясь с отцовскими кредиторами, кои не смели докучать ему при жизни, зато теперь требовали незамедлительной выплаты всех долгов, да еще с процентами! И горделивые узницы, почуявшие ветерок свободы, лишь презрительно скривились: ишь, стервятники, кружат над остатками пущенных на ветер богатств, норовят поживиться! Сызмальства девушек приучили: некоторые вопросы — в том чис-

ле и денежные — с посторонними не обсуждают. Поэтому без долгих разговоров, не глядя, они подписывали счета направо и налево, и богатейшие земли отца (едва ли не все плодородные поля и сады в округе, где условия для земледелия далеко не самые благоприятные) обрели новых многочисленных хозяев. А сестрам остался лишь огромный безалаберный дом с несметным количеством утвари, заполнившей комнаты, да несколько слуг — призраков прошлых дней. Они отказались покинуть дом, но отнюдь не из одной только преданности. Их жизнь тоже прошла в заточении, и нежданная свобода страшила пуще смерти. Оказавшись в бедственном положении, сестры повели себя в лучших аристократических традициях — решили устроить званый вечер.

Много лет спустя сестры вновь и вновь делились воспоминаниями о том скандально-незабываемом вечере, и лица их озарялись простодушными, веселыми улыбками: может, им казалось, что молодость не обошла их стороной?

— Пригласительные билеты я заказывала в гарнизоне, — заводила Чхунни Шакиль, устраиваясь подле сестер на старом деревянном диване. Довольно хохотнув над былым приключением, продолжала: — Ах, что это были за билеты! С золотым тиснением, картон плотный — не согнуть! Каждый — точно плевков в лицо судьбы!

— И в лицо покойного папочки! — подхватывала Муни. — Он бы закричал: “Совсем стыд потеряли! Распустились вконец! Родного отца в грош не ставят!”

— Немудрено! — вставляла Бунни. — Нам от него ни гроша и не перепало!

Поначалу сестры думали, что угрызения совести, посетившие отца в последние минуты, связаны с грядущей нищетой дочерей. Однако потом думы их настроились на более прозаический лад.

— А что, если перед смертью ему увиделось будущее? — предположила Чхунни.

— Хорошо бы! Тогда б он умер в таких же муках, в каких принуждал нас жить! — заключили сестры.

Быстро облетела городок весть о том, что сестры Шакиль “выходят в свет”. Настал долгожданный вечер, и дом заполнили виртуозы-музыканты. Впервые за двадцать лет в этих пуританских стенах весело зазвучали трехструнные домры и семиструнные саранды, запищали свирели, забили барабаны; полчища булочников и кондитеров нагрянули с обозами всякой снеди — враз опустели витрины их заведений. Зато столы в шатре, поставленном во дворе, ломились от яств, зеркальные стены множили роскошь и изобилие. Все же чванство, которым с младенчества вскармливал дочерей старый Шакиль, самым пагубным образом сказалось на приглашенных. Достопочтенным гражданам К. нанесена смертельная обида: им отказали в обществе трех блистательнейших девушек города, обделили пригластительными билетами с золотым тиснением, о которых только и судачили все вокруг. Сестрам ставилось в вину и другое: они попрали правила хорошего тона еще и тем, что, отказав достойнейшим из достойных, разослали золоченые карточки в дома ангрезов — этим завсегдатаям балов! А подлинным старожилам (за редчайшим исключением) так, по сути дела, и не довелось переступить заветно-запретный порог. Зато целая толпа иностранцев, в которой преобладали военные мундиры, вечерние платья и чужеродный язык, после традиционного коктейля в гостиничном ресторане направилась к дому сестер Шакиль! Ох уж эти колонизаторы! Бледнолицые сахибы и их бегум в непременных перчатках. Нарочито громкий, вызывающий говор, ослепительно-сниходительные улыбки. И всю эту ораву поглотил зеркальный шатер.